

он отстаивает свою самостоятельность: так поступают, впрочем, все слабые люди; но попытку отстоять свое я Рысаков делает не особенно решительно. Он сам говорит: влияние Желябова на меня несомненно. Как лицо, имевшее революционное прошлое, — а Рысаков тогда был в таком состоянии, что благоговял перед этим революционным прошлым, как человек закаленный, Желябов, должен был иметь влияние и влияние сильное на Рысакова. Желябов был учителем, Рысаков его учеником. Пусть учитель любит на плоды ученика: они падают всецело на его голову, продолжая в поведении Рысакова, тотчас по совершении злодеяния мы видим ряд противоречий. С одной стороны он посылает злобную фразу, злодейскую угрозу: «Еще слави-ли богу», и говорит свидетелю Горехову, спросившему, зачем он совершил злодеяние: «Вы этого не поймете, пока узнаете», — не свои слова, а слова, навязанные другими; с другой стороны, он обнаруживает боязнь перед народом, боится, что народ изобьет его истерзает, разорвет своими руками, раздвигается с царубой. Первая просьба, обращенная к задержавшим его лицам, была о том, чтобы оградить его за просьбой последовала благодарность тем, кто просьбу исполнил. По доставлении Рысакова в градоначальство, явилось немедленно сознание в совершении злодеяния, за сознанием развитие его и наконец открытие всего. Из всего сказанного следует один вывод: Рысаков стал на преступную дорогу не вследствие каких-либо внешних данных, под влиянием известным образом сложившихся обстоятельств своей жизни, не вследствие логического процесса мысли, а вследствие того, что эту мысль может быть насильственно вложили в него, вследствие того, что на него, слабого характером, подвинули люди характера сильного, вследствие того, что его революционизировали и довели до настоящего состояния. Вы видели его перед собой в течение трех дней и могли судить об этой личности. Нисколько грустный, апатичный, растерянный. Весьма молчаливый и сдержанный — вот какими нам представляется Рысаков. Такая совокупность противоречий дает нам основание формулировать общий о нем вывод. Слабый характером, доступный влиянию, в особенности, когда оно действует логично на разум и лаской на чувства, увлеченный пестрой шумихой фраз о страданиях народа, увлеченный умными людьми, приобретшими над ним влияние и воспользовавшимися его молодостью и не вполне ясным пониманием его окружающего — вот те условия, которые сложились над ним человеком, какими мы видим его теперь перед собой! Как бы то ни было, он не мальчик, он не дитя, он человек разумный, и собственное его показание, связанное, логичное, последовательное, свидетельствует о том, что в его сознании была возможность сопротивляться этому влиянию. Он не сопротивлялся, напротив того поддавался ему, дошел до настоящего положения, так пусть он несет за него ответственность, тем более, что совершенное злодеяние далеко оставляет за собою все то, что в личности Рысакова, в его прошлом, могло бы представить его в другом свете, нежели остальных подсудимых.

Затем я прямо от Рысакова, от ученика — перехожу к учителю. Если бы я захотел охарактеризовать личность подсудимого Желябова так, как она выступает из дела, из его показаний, из всего того, что мы видели и слышали здесь о нем на суде, то я прямо сказал бы, что это необычайно типический конспиратор, притом заботящийся о чуждости и сохранении типа, о том, чтобы все: жесты, мимика, движение, мысль, слово — все было конспиративное, все было социально-революционное. Это тип агитатора, тип не чуждый театральным эффектам, желающий до последней минуты драпироваться в свою конспиративную тогу. В ум, бойкости, ловкости — подсудимому Желябову несомненно отказать нельзя. Конечно, мы не посмеем за умершим Гольденбергом, который в своем увлечении называл Желябова личностью высоко развитой и гениальной. Мы, согласно желанию Желябова, не будем преувеличивать его значения, дадим ему надлежащее место, но вместе с тем отдадим ему и справедливость, сказав, что он был создан для роли вожака злодея в настоящем деле. Желябов происходил из крестьянского, южнорусского происхождения, сам себя прозвываясь «дворянином», он учится, доходит до университета. Я должен оговориться: в жизни Желябова есть большие пробелы, которые, конечно, приписываются молчанию; но логическая связь мысли, цельность представления о действительной личности Желябова от этого несколько не терпит. В 1872 году мы видим уже его исключенным из

числа студентов университета за беспорядки. Факт знаменательный, направление подсудимого определено, а последующее показывает, что исключение из университета было более чем правильно. Мы видим Желябова исключенным 21 года, и затем с этого момента он исчезает, пропадая в мир агитации — он покрывает его своим. Только чрез известные промежутки времени он появляется местами на поверхности этого моря, то под одним именем, то под другим, так что на вопрос о занятиях он действительно имеет право отвечать: занимаюсь революционными делами. В течение девяти лет продолжается агитационная деятельность подсудимого. Проживая в разных местностях под разными именами и с подложными паспортами, он заботится и думает об одном: служить интересам социально-революционного движения. Когда совершилось его вступление в партию — это для нас безразлично. Вроде оно наступило одновременно с тем моментом, когда партия сложилась в тайное сообщество с его настоящими целями. Как только появились террористы, в их числе оказался подсудимый Желябов. Что остается за ним в прошлом, мы не знаем, нам лишь известно, что дома у него брошенная жена и дети, что процесс 193 хз застает его на скамье подсудимых перед особым присутствием. Из суда Желябов выходит оправданный, но недостатку уличающих его фактов, выходит и исчезает. Проходит много времени — с 1877 по 1879 год, но уже Липецкий съезд в числе наиболее влиятельных членов своих видит и Желябова. Прямо со съезда он отправляется в Харьков, и здесь в сентябре 1879 г. руководит сходками, происходящими между молодежью, на них читает лекции, произносит речи извещения содержания и участвует в составлении планов будущих действий; смысл же и революционное значение этих действий определяются присланным в Харьков из Петербурга динамитом. В ноябре 1879 г. устраивается взрыв на лотной железной дороге близ города Александровска и день неудачного взрыва 18-го ноября 1879 года застает Желябова не только в рядах первых бойцов царубы, но и непосредственным организатором предпринимаемых с этой целью злодейских приготовлений. Я не буду в подробностях излагать обстоятельства александровского покушения, они весьма подробно изложены в обвинительном акте, фактически часть которого, за исключением немногих подробностей, не имеющих особенного значения, подтвердил сам подсудимый Желябов. Я только в нескольких словах напомним, что в Александровск Желябов приехал под именем Чернышова, тут присоединилась к нему неизвестная женщина под видом жены его, они взяли в аренду место для кожевенного завода, и поселились у влиятельных Бовенко с другими участниками преступления. Вы, конечно, помните и обвинительный акт, помните и картину, нарисованную самим Желябовым, помните телегу в стень, на которой помещалась батарея для взрыва снаряда, заложенного с тяжелым трудом под липную железную дорогу, помните процесс Императорского поезда, о приближении которого Присяжков зарывал оповестил своих участников, помните наконец, этот характерный сигнал одного из злодеев, «жар», по которому должен был произойти взрыв. В 1880 году мы находим Желябова в Петербурге: в качестве агента исполнительного комитета. Агент исполнительного комитета, как нам было известно, распределяются несколько степеней: есть агенты первой, второй и третьей степени. Желябов называет себя агентом третьей степени, агентом ближайшим к комитету, агентом с большим доверием. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность, и что если существует соединение, присвоивающее себе название исполнительного комитета, то в рядах этого соединения почетное место принадлежит подсудимому Желябову, и не напрасно думал Рысаков, что совершение злодеяния 1-го марта примет на себя один из членов исполнительного комитета. Понятно впрочем, что сознаться в принадлежности к исполнительному комитету, значит сказать: вы имете перед собою дельца первого ранга и вашим приговором вы исключите из революционных рядов крупную силу, одного из самых видных сподвижников партии. В обвинительный акт внесено заявление подсудимого Желябова, поданное им на имя прокурора судебной палаты. Сущность этого заявления заключается в том, что когда возникло настоящее дело и когда 1-го марта, а заявление это было подано 2-го марта — показанием Рысакова выяснилось, что обвинение должно падать и на Желябова, то Желябов, не зная еще об этом указании, но зная за собою динамит, оказавшийся у него на квартире,

прямо заявляет, что он участник всякого покушения на жизнь Государя Императора, следовательно и участник последнего; что он просит присоединить его к делу 1-го марта и что было бы вопиющей несправедливостью не привлекать к делу его, ветерана революции. Эта справедливость Желябову оказана. Таким образом он прямо признал себя правдивным, первым и главным ответчиком. На суде и во время предварительного исследования дела, в показаниях Желябова, содержание которых помещено в обвинительном акте, заметна одна черта, на которую я уже указывал, эта черта — желание представить свое дело в преувеличенном свете, желание его расширить, желание придать организации характер, которого она не имела, желание — скажу прямо — и порисоваться значением партии и отчасти похвастаться запугать. Но на первое, на второе не удается подсудимому. Большими витезами считаясь все эти заявления о революционном героизме; суд видит чрез них насвезь неприглядную истину и вместе с тем не в таком свете предстанет Желябов в воспоминаниях, которые останутся от настоящего грустного дела.

Когда я составлял себя на основании данных дела, общее мнение, общее впечатление о Желябове, он представляется мне человеком, весьма много заботившимся о внешней стороне, о внешности своего положения. Когда же на суде с напускною гордостью он сказал, что пользуется доверием исполнительного комитета, я вполне убедился, что мы имеем перед собою тип революционного честолюбца. Но довольно с Желябовым, перейдем к Перовской,

О Перовской следует говорить вслѣд за Желябовым потому, что обстоятельства тѣсно связывают их между собой. Въ прошлом, Перовская есть многое таксе, чего ее имѣют за собою другіе подсудимые и о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Въ настоящее время подсудимая Перовская имѣетъ 27 лѣтъ; происхожденія она дворянскаго; родомъ она изъ хорошей семьи; дочь родителей, занимавшихъ въ обществѣ почетное мѣсто; женщина, имѣвшая полную возможность получить хорошее образование и видѣть кругомъ себя хорошихъ людей. О ней мы знаемъ, что уже въ 1870 году, будучи 16 лѣтъ отъ роду, она, пройдя чрезъ женскіе курсы, тогда учрежденные при вѣтой гимназій, оставляетъ домъ своихъ родителей и поступаетъ въ народныя учительницы. Въ 1871 году, когда ей было 17 лѣтъ, мы видимъ ее привлекающею къ дознанию о государственномъ преступникѣ Гончаровѣ, а въ слѣдующемъ 1872 году, 18 лѣтъ, она по ея собственному показанію, примкнула къ социально-революционному движению, въ волнахъ котораго пребываетъ безъ малаго девять лѣтъ. Почти въ дѣтскомъ возрастѣ достигла же эта возна, быстро катилась за собою и принесла въ процессъ 193 хз, изъ котораго она по недостаточности уликъ вышла оправданною. Въ 1878 году, вслѣдствіе доказаннаго ея противоправительственнаго направленія, признано было необходимымъ удалить ее изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и выслать въ Олонецкую губернію. Дорогою она совершаетъ побѣгъ, исчезаетъ, и мы получаемъ возможность констатировать дѣятельность ея въ революціонной средѣ только во время московскаго взрыва, въ которомъ она участвуетъ въ качествѣ флигивной жены Сухорукова Гартмана, въ качествѣ хозяйки конспиративнаго дома, изъ котораго была проведена мина. Мы видимъ ее зѣвъ непосредственною участницею преступленія, изъ показанія Гольденберга знаемъ, что этимъ участиемъ; тою ролью въ преступленіи, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чѣмъ гордиться: ей была предоставлена почетная въ революціонномъ смыслѣ роль она должна была наблюдать за приближеніемъ Императорскаго поѣзда и дать сигналъ, по которому должна была быть сожжута убійственная цѣпь гальванической батареи другимъ лицомъ. Въ 1880 году мы находимъ ее въ сожителствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ № 17-18, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожителства, на основаніи участія ея въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что и она находилась подъ влияніемъ Желябова, заставлявшимъ ее идти по стопамъ Желябова и дѣлавшимъ изъ нея слѣдное орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила большое социально-революционное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки. Она сладко излагаетъ теорію социально-революціоннаго ученія. Ей нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить нѣтъ возможности. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ, можемъ представить, что этотъ заговоръ